

Первый год правления Чупин, весна выдалась холодной и промозглой. На пустынных холмах за пределами Лояна пожухлая полынь дрожала под порывами резкого восточного ветра, издавая звуки, похожие на тихий плач. Цзян И припал к земле за низким кустарником, вжавшись в холодную, влажную почву. Его взгляд, острый, как у ястреба, был прикован к тракту, который в сумерках казался серой лентой. Небо стремительно темнело, свинцовые тучи низко нависли над мощными стенами Лояна. Между зубцами крепостных стен одна за другой вспыхивали факелы стражников, превращаясь в извивающегося огненного дракона, освещающего очертания умирающего сердца империи.

Воздух был пропитан запахом гари, крови и удушливым напряжением, предвещающим великую смуту. Ветер, дувший со стороны Лояна, доносил приглушенные крики, звон оружия и треск горящих зданий.

— Брат Цзян, есть движение! — голос Сюй Шу, прозвучавший совсем рядом, был предельно тихим и напряженным, словно скрежет металла. Его палец, подобно железным клещам, указывал на конец тракта, где в небо поднимались столбы пыли.

Началось! Сердце Цзян И сжалось, едва не ударившись о ребра.

Словно раскаты грома, топот копыт приближался, сотрясая мерзлую землю и натянутые нервы засады. В поле зрения ворвался отряд конницы. Впереди скакал старик с седыми волосами и бородой, одетый в лазурный парчовый халат, подобающий гражданскому чиновнику, но сейчас покрытый пылью и выглядевший крайне жалко. Он припал к шее коня, отчаянно погоняя животное, а его утонченное лицо было искажено ужасом и отчаянием. Вслед за ним неслись с десяток всадников — безбородые лица, хищные взгляды, а в руках — сверкающие хуаньшоудао, отливающие в сумерках жадной крови.

— Псы из Десяти постоянных служителей! — Цзян И стиснул зубы, и ледяная волна жажды убийства поднялась у него от самого позвоночника. Колеса истории вращались с неумолимой точностью: кровь Хэ Цзиня, пролитая во дворце Цзядэ, еще не остыла, а карающий меч уже занесен над Цай Юном — великим ученым, известным всему миру, но связанным с Хэ Цзинем. Цзян И привел сюда людей на три дня раньше, поставив всё на этот момент!

— Приготовиться! — голос Цзян И, холодный, как закаленная сталь, низко и четко разнесся по рядам. Позади него Чжао Юнь, словно приготовившийся к прыжку леопард, сжимал рукоять серебряного копья так, что побелели костяшки пальцев. Двадцать элитных воинов из Инчуаня затаили дыхание, их мощные арбалеты были нацелены на тракт, а тетивы натянуты, как полная луна.

На дороге преследователи, словно навязчивая болезнь, приближались. Один из всадников с оскалом натянул лук. Раздался звон тетивы, и стрела с волчьим зубом, прорезав воздух, вонзилась в заднюю ногу коня Цай Юна!

— И-и-и! — конь издал пронзительный визг, от резкой боли встал на дыбы и сбросил седока! Старик, словно порванный бумажный змей, тяжело рухнул на твердую землю, перекатился

несколько раз, потерял шапку, разметал седые волосы и, как ни пытался, не смог подняться.

— В атаку! — глаза Цзян И вспыхнули холодным светом, а его крик прозвучал подобно грому!

— Дзынь! Дзынь! Дзынь! — десятки арбалетных болтов, словно ядовитые осы мщения, с резким свистом вылетели из сухой травы и зарослей по обе стороны дороги! Первые преследователи, не успев опомниться, превратились в дикобразов и с воплями повалились с лошадей. Строй смешался, началась неразбериха!

— Чжао Цзылун из Чаншаня здесь! Отдавайте жизни, евнуховы псы! — ясный, подобный драконьему рыку голос прорезал небеса! Чжао Юнь, словно молния, сорвался с места, его белое одеяние и серебряное копье слились в ослепительный поток. Копье мелькало, как капли дождя на грушах, неся холодную смерть! Плюх! Плюх! Плюх! В сумерках расцвели кровавые цветы: троих преследователей пронзило почти одновременно, они даже не успели вскрикнуть. Взмах серебряного копья — и тела полетели в сторону, сбивая остальных и сея еще больший хаос!

Сюй Шу ринулся в бой вслед за ним, обнажив длинный меч. Вместе с воинами из Инчуаня они, подобно яростным тиграм, врезались во фланг, отрезая врагам путь к отступлению. Узкий тракт мгновенно превратился в поле смерти, где смешались вопли, лязг металла и ржание испуганных коней.

Цзян И, словно выпущенная стрела, в несколько прыжков оказался рядом с Цай Юном.

— Господин Цай! Вы целы? — он опустился на одно колено, его голос был быстрым и спокойным, руки быстро ощупали голову, шею и конечности старика. Лицо в пыли, халат разорван, но, к счастью, кости целы, лишь ушибы да ссадины.

Цай Юн, еще не оправившись от шока, с недоверием смотрел на незнакомого юношу. Обычная одежда, молодое лицо, но взгляд острый, как нож, полный спокойствия и неоспоримой силы.

— Кто вы... такой?

— Я Цзян И, друг госпожи Цай Янь! — выпалил Цзян И, оглядывая хаотичное поле боя, где Чжао Юнь и Сюй Шу намертво сковали врагов. — Ситуация критическая, прошу, скорее за мной! — он, не терпя возражений, подхватил обмякшего Цай Юна и, помогая ему, быстро увел с поля боя, нырнув в узкую тропинку, скрытую в высокой траве.

Тропа петляла, словно лабиринт в дикой местности, окутанной сумерками. Цай Юн был стар и слаб, к тому же напуган, и шел, спотыкаясь. Цзян И, крепко поддерживая его, почти волок старика вперед, прислушиваясь к каждому звуку. Наконец, за редкой рощей сухостоя показался контур низкой, убогой хижины, окна которой были завешены толстыми циновками, не пропускавшими ни лучика света.

Как только Цзян И подвел Цай Юна к калитке, она со скрипом отворилась изнутри.

— Отец! — горестный, полный тоски и тревоги зов прозвучал в тишине. Цай Янь выбежала навстречу, словно ласточка, возвращающаяся в гнездо. Ее глаза были полны слез, она крепко обняла отца, ее тело дрожало от волнения и пережитого страха.

— Вэньци! Дитя мое! — Цай Юн, рыдая, прижал к себе спасенную дочь. От потрясения, вызванного чудесным спасением, у него перехватило дыхание. Отец и дочь обнимались, но вскоре Цай Юн поднял голову и посмотрел на Цзян И взглядом, в котором сквозила благодарность, смешанная с глубоким подозрением: — Господин Цзян? Что... что здесь происходит? Вы... — он обвел взглядом убогую хижину и вернувшихся вслед за ними Чжао Юня и Сюй Шу. — Откуда вы знали, что евнухи хотят погубить меня? И почему вы здесь?

Цай Янь, вытирая слезы и поддерживая отца под руку, ответила дрожащим, но четким голосом:

— Отец! Если бы не проницательность господина Цзяна, который предсказал, что после смерти Хэ Цзиня Десять постоянных служителей обрушат свой гнев на вас, и если бы мы не скакали день и ночь, чтобы устроить засаду под Лояном, сегодня... сегодня мы могли бы навсегда разлучиться! — она посмотрела на Цзян И с невыразимой благодарностью и почти религиозным доверием.

— Предсказали? — взгляд Цай Юна вновь сфокусировался на Цзян И, он был острым, словно пытался пронзить его душу. — Великий генерал Хэ Цзинь... действительно был вчера коварно убит Чжан Жаном и другими негодяями во дворце Цзядэ! В Лояне переполох, но весть еще не должна была распространиться. Вы находились в Инчуане, как вы могли за несколько дней до этого, основываясь на неких логических выводах, понять, что я в опасности? Эти выводы... они слишком уж невероятны! — он, прошедший через бури придворных интриг, знал, насколько коварен мир, и инстинктивно насторожился из-за столь точного предвидения.

Цзян И почувствовал легкий укол в сердце, но внешне остался невозмутим:

— Господин Цай, прошу, выслушайте. Хэ Цзинь был упрям и самонадеян, не слушал верных советов и во что бы то ни стало хотел призвать в столицу свирепых военачальников, чтобы уничтожить евнухов. Это был путь к самоуничтожению. Вы всегда были близки к великому генералу и неоднократно прямо высказывали ему свои предостережения, за что давно стали ненавистны Десяти постоянным служителям. Как только Хэ Цзинь погиб, клика евнухов, объятая ужасом, неминуемо должна была предпринять безумную попытку уничтожить всех неугодных. Ваша известность сделала вас первой мишенью! У меня нет дара провидения, это лишь неизбежное следствие безумия евнухов! — он вновь облек историческую неизбежность в форму проницательности и логического вывода.

Цай Юн вздохнул, и казалось, в одно мгновение постарел на десять лет. В его глазах отразилась бездонная печаль и гнев:

— Хэ Суйгао... глуп до крайности! Я умолял его не призывать внешние войска, ведь достаточно было одного тюремщика, чтобы схватить евнухов, а он лишь смеялся над моей косностью! Впустил волка в дом и навлек на себя гибель, оставив после себя бесконечные беды! — он сжал кулаки так, что побелели пальцы. — А теперь... Дун Чжо! Этот сиянский шакал Дун Чжунъин уже ввел свои войска в Лоян!

— Дун Чжо уже в Лояне?! — сердце Цзян И дрогнуло, холод пронзил его до мозга костей! Колеса истории крутились быстрее, чем он ожидал! Смерть Хэ Цзиня и прибытие Дун Чжо — два события, превратившие конец династии Хань в пороховую бочку, произошли с разницей в считанные дни!

— Именно так! — голос Цай Юна звучал тяжело, с отчаянием в дрожи. — Этот человек жесток и бесчеловечен! Его сиянские войска, словно саранча, грабят, насилуют и убивают! Ворота дворца закрыты, император и вдовствующая императрица — пленники! Лоян... превратился в логово дьявола! Беда! Страна в опасности! — старик, охваченный горем и гневом, ударил себя в грудь.

В голове Цзян И лихорадочно крутились мысли. Дун Чжо уже в столице! Смещение императора, поджог Лояна, перенос столицы в Чанъань — все эти ужасы были уже на пороге! Это место стало смертельной ловушкой! Он сделал глубокий вдох, подавляя волнение, и твердо произнес:

— Господин Цай! Здесь оставаться нельзя! Дун Чжо жаждет захватить власть! Он непременно низложит императора и приберет к рукам весь двор! Тогда тех, кто подчинится, ждет процветание, а тех, кто против — смерть! Лоян стал эпицентром бури, остаться здесь — значит верная гибель! Мы должны уйти немедленно!

Цай Юн вздрогнул, в его глазах отразилась борьба. Он посмотрел в сторону Лояна, где зарево пожара разгоралось всё сильнее, а ветер доносил приглушенные крики. Он выпрямил сгорбленную спину, и на его старческом лице проступило упрямство и достоинство, присущие истинному ученому:

— Я... как советник дома Хань, ел государев хлеб! В такое трудное для страны время, когда император в беде, а негодяи правят бал, разве могу я... разве могу я, подобно бездомному псу, бросить государя и бежать? Даже если суждено умереть, я должен окропить своей горячей кровью лицо этого негодяя Дуна! — его слова звучали решительно, с твердостью мученика.

Цзян И охватила тревога! История повторялась! Если он останется, то будет насильно призван Дун Чжо, потеряет свободу и в конечном итоге закончит свои дни трагически — вздохом на пиру у Ван Юня. Он должен изменить этот сценарий!

— Господин! Верность и долг имеют и другие пути! — Цзян И сделал шаг вперед, его взгляд был жгучим, он смотрел прямо на Цай Юна, а голос звучал с силой грома. — Дун Чжо жесток, он ни во что не ставит человеческие жизни! Он никогда не потерпит истинно преданных Хань чиновников! У вас два пути: либо, подобно господину Лу Чжи, не склонить головы и пролить

кровь в зале суда, либо... подобно многим трусам, встать на колени и помогать тирану! Господин! Какой путь выберете вы?!

— Разве я стал бы служить вору?! — Цай Юн, в ярости расправив волосы и бороду, широко открыл глаза и гневно возразил, излучая праведный гнев.

— Тогда тем более вы должны сберечь себя! — Цзян И не отступал, его голос стал громче, каждое слово — как нож, пронзающий самое сердце старика. — Господин! Вы — великий ученый нашего времени! Вся мудрость двух династий Хань, триста лет классических текстов, ритуалов и музыки — все это хранится в вас! Каменные сутры, тайные архивы — все уникальные знания зависят от вас! Если вы сегодня погибнете от рук евнухов или Дун Чжо, или если вас заставят склониться, и ваше имя будет опозорено — кто продолжит великую культуру Хань? Кто передаст эту цивилизацию потомкам?! Господин! Что лучше: поддаться минутной вспышке гнева ради бессмысленной жертвы или стерпеть временное унижение, чтобы сохранить то, что дороже жизни — тысячелетнюю культуру?! Прошу, подумайте! — последнее предложение он почти прокричал, и в убогой хижине с балок посыпалась пыль.

Эти слова, как тяжелый молот, ударили по сердцу Цай Юна! Он весь затрясся, покачнулся и удержался лишь благодаря тому, что ухватился за грубую глиняную стену. Его прямая спина вмиг обмякла. Он больше не был тем советником, готовым к смерти, а стал стариком, на плечах которого лежал вес всей цивилизации. Он посмотрел на дочь, которая уже заливалась слезами, вцепившись в его рукав, в ее глазах читались безмолвная мольба и страх. Он снова посмотрел на зарево над Лояном, словно видя, как бесчисленные книги превращаются в пепел, и слыша стоны мудрецов прошлого, доносящиеся с ветром.

— Культура... преемственность... — пробормотал Цай Юн, и старческие слезы покатались по его щекам, падая на пыльный халат. Он медленно закрыл глаза, а когда открыл их, огонь решимости угас, оставив лишь безграничную усталость и глубокую печаль. — Пусть так... пусть так... — он тяжело вздохнул, и его голос звучал так же печально, как последний осенний лист на ветру. — Я... поеду... Господин Цзян, пусть будет по-вашему. — Это слово — поеду — казалось, отняло у него последние силы.

Камень с души Цзян И с грохотом упал! Он добился своего! Он изменил роковую судьбу Цай Юна!

— Нельзя медлить! Нужно отправляться сегодня же! — Цзян И не терял ни секунды. — Брат Сюй, Цзылун! Повозки и кони готовы?

Сюй Шу тут же ответил:

— Все готово! Две прочные повозки, три крепких коня, еда и вода — все ждет за лесом!

— Хорошо! — решительно скомандовал Цзян И. — Цзылун, ты с половиной людей — в авангарде, разведывайте путь. Если встретите патрули — обходите, если столкнетесь с небольшими отрядами силянских всадников — действуйте быстро, не оставляйте живых! Брат

Сюй, ты охраняешь повозку господина Цая в центре! Остальные — со мной в арьергарде! Цель — Чэньлю! Встретимся на почтовой станции Люлинь, в тридцати лиях к востоку от Чэньлю! — его приказы были четкими и решительными, он явно стал стержнем этого маленького отряда.

Все дружно ответили согласием. Чжао Юнь с боевым задором в глазах взял под козырек, развернулся и, собрав людей, растворился в темноте, словно призрак. Сюй Шу тут же помог Цай Янь усадить отца в повозку. Снаружи хижины уже стояли две повозки, укрытые толстой грубой тканью и запряженные крепкими мулами, которые выдыхали белые облачка пара в холодную ночь.

Цзян И в последний раз взглянул на хижину — это временное убежище вскоре будет покинуто. Он вдохнул холодный воздух, пропитанный гарью и кровью, и уже собирался развернуться, как услышал голос Цай Янь, в котором чувствовалась едва уловимая дрожь:

— Господин Цзян... путь до Чэньлю далек, Дун Чжо... будет преследовать нас? — в свете пожара ее прекрасное лицо казалось полным тревоги, а в глазах читался глубокий страх перед неизвестностью.

Цзян И замер и посмотрел в сторону Лояна. Там зарево охватило полнеба, словно разверзшаяся пасть ада. Тень Дун Чжо уже накрыла сердце империи. Он крепче сжал висевший на поясе мешочек с лекарствами — там лежали холодные инструменты из сплава и порошок хинина, его главная надежда и секрет в эти смутные времена.

— Будет, — ответил он низким голосом, в котором сквозило осознание будущего. — Дун Чжо не отпустит никого, кто может угрожать его власти, особенно таких известных людей, как господин Цай. Погоня силянской конницы вскоре настигнет нас, словно назойливая болезнь. — Он увидел, как Цай Янь побледнела, и сменил тон, его глаза стали острыми, как обнаженный меч. — Но прошу вас, госпожа, не бойтесь. Раз я спас господина, я сделаю все возможное, чтобы защитить вас обоих! Даже если за нами погонятся тысячи воинов, им не отнять вас у меня!

Его слова звучали спокойно, но в них скрывалась твердость камня и сила, внушающая доверие. Цай Янь завороченно смотрела на него; пламя отражалось в его молодом, но уже тронутым невзгодами лице, а в глубоких глазах, казалось, горел огонь, который никогда не склонится. Страх не исчез, но странное чувство безопасности, исходящее от этого человека, тихо проросло в ее душе.

— В путь! — Цзян И больше не сказал ни слова, вскочил в седло и натянул поводья. Худой конь, почувствовав боевой дух хозяина, беспокойно забил передними копытами.

Две повозки под охраной Сюй Шу проехали через высокую траву и со скрипом двинулись в густую тьму. Цзян И с воинами арьергарда, словно скала, растворившаяся в ночи, внимательно следил за кровавым заревом пожара в стороне Лояна, которое разгоралось всё сильнее, казалось, желая поглотить всё на своем пути. Холодный ветер трепал его одежду.

Впереди — бесконечная тьма и тысячи ли бегства, полного смертельных опасностей. Позади — сердце империи, раздираемое когтями Дун Чжо и пожираемое пламенем.

Стук копыт, скрип колес. Этот маленький отряд, везущий последнюю искру культуры Хань, без оглядки двинулся в кровавую и полную неизвестности долгую ночь первого года правления Чупин.

<http://bllate.org/book/18471/1771469>